

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 г.

Среди источников о Московском восстании 1682 г. немаловажное место занимают известия летописцев конца XVII в., особенно включенных в некоторые из них летописных повестей; две такие повести издал акад. М. Н. Тихомиров. Их изучение наряду с другими источниками позволяет по-новому подойти к вопросу о характере и смысле этого народного движения.

Восстание 1682 г. в Москве, основной движущей силой которого были стрельцы и солдаты столичного гарнизона, в последние десятилетия не пользуется симпатиями историков. Обычно оно называется «стрелецким восстанием» и квалифицируется как «реакционный бунт», смыкавшийся с выступлением царевны Софьи и реакционного боярства против нововведений Петра I. Такая оценка довольно точно отражала точку зрения, выраженную в 30-е годы XX в. в известных «замечаниях на конспект истории СССР». При этом не учитывался тот простой факт, что в 1682 г. ни о каких преобразованиях Петра, который в это время был десятилетним мальчиком, не могло быть и речи. Идеи реформ и сами реформы были потребностью времени, они начались еще до воцарения Петра I и восстания стрельцов (например, налоговая реформа 1679—1681 гг., отмена местничества в январе 1682 г. и др.). В этих начинаниях активное участие принимал кн. В. В. Голицын — знаменитый «голант» царевны Софьи, пришедший к власти вместе с регентшей после майских событий 1682 г. Даже после падения Софьи в 1689 г. Петр (ему было уже 17 лет) не сразу приступил к преобразованиям; на дела большое влияние оказывал кружок консерваторов во главе с его матерью — царицей Натальей Кирилловной и патриархом Иоакимом (после его смерти — Адрианом).

Исторические источники говорят об антифеодальном в целом характере восстания 1682 г., в котором, помимо стрельцов и солдат, приняло известное участие население Москвы и Подмосковья (особенно в «раскольничьем мятеже»). Между тем легенда о реакционном характере «стрелецких бунтов» 1682 и 1698 г. оказалась весьма живучей. Несмотря на то что против нее выступал еще великий русский критик Н. А. Добролюбов, а позже то же, хотя и с рядом ошибок, обосновывали историки XIX в. Н. Я. Аристов, Е. А. Белов и советский исследователь А. Н. Штраух, она возродилась, как феникс из пепла, в 30-е годы. Советские исследователи, как это ни странно, возвратились к взглядам историков эпохи Петра I и их последователей. Они воспевали деяния «отца отечества», праздновавшего свое вступление

в эпоху преобразований массовыми убийствами стрельцов, восставших против тяжкого гнета властей.

Несмотря на большую литературу, источниковедческая разработка материалов о восстании оставляет желать лучшего. Авторы, писавшие о восстании (Н. Устрялов, М. П. Погодин, Н. Я. Аристов и др.), сосредоточили основное внимание на воспоминаниях современников, русских и иностранных (С. Медведев, А. А. Матвеев, С. Романов, Розенбуш и др.)¹. То же самое можно сказать о новейшем исследователе этой темы². Большинство исследователей дореволюционного периода обнаруживали предвзятый подход к указанным источникам, используя их в качестве доказательств для обоснования своих взглядов на роль тех или иных личностей в событиях 1682 г. (Петр, Софья, Хованские и др.). В советской историографии более широко и глубоко используются источники о восстании 1682 г. (А. И. Штраух, С. К. Богоявленский и др.), был издан ряд интересных памятников (акад. М. Н. Тихомиров и др.). Однако до сих пор источники о Московском восстании 1682 г. не подвергнуты детальному и фронтальному исследованию, включая поиски и анализ новых архивных материалов, которых до сих пор немало в различных архивах.

В настоящей статье кратко исследуются некоторые летописные сообщения, представляющие интерес для изучения восстания 1682 г. в Москве.

В одном из кратких летописцев приводится список бояр и дворян, убитых и отправленных в ссылку во время событий мая 1682 г.³

Более интересны сведения краткого летописца с записями от древнейших времен до 1690 г.; он был составлен, очевидно, не ранее этого года при дворе патриарха Адриана, сменившего умершего Иоакима в том же году⁴. В центре его внимания в записях за XVII в. царское семейство и патриарший дом. В летописце описываются только события 15 мая 1682 г. Восставшие для автора «убийцы зли... лютейши разбойник», «зломысленныя коварники», пришедшие «во град Кремль... яко к неприятельскому граду приступати хотящим». Далее сообщается, что переговоры с восставшими вели бояре кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, патриарх Иоаким. От бояр участники восстания потребовали показать царевича Ивана Алексеевича, якобы убитого Нарышкиными. Со «святейшим» патриархом они обошлись более сурово: «Они же и в дело его не поставиша, вси воскричаща, яко ты не глаголи ничто, не слушаем тя, яко лжу глаголеши нам; и хотяху его убити. Он же отъиде от них». Выход Ивана и Петра Алексеевичей описан сходно с другими источниками. Интересная деталь: вбегая в царские хоромы, стрельцы проникли сначала через Среднее крыльцо, отворив там решетку (царица с Иваном и Петром и придворные стояли, дрожа от страха, на Красном крыльце), затем на Красное крыльцо, оттуда — в «царские чертоги». Расправы описаны общими словами, из убитых по фамилии называется только боярин А. С. Матвеев. Автор сокру-

¹ Н. Г. Устрялов, *История царствования имп. Петра Великого*, т. I, СПб., 1858, стр. LII—LIV, LXI—LXII; М. П. Погодин, *Семнадцать первых лет жизни имп. Петра Великого*, М., 1871, стр. 3—92; Н. Я. Аристов, *Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны*, Варшава, 1871, стр. 1—4, 8—10, 12—13, 16, 22—26.

² А. П. Станевич, *Московское восстание 1682 г.* (Рукопись канд. дисс.), [б./м.], [б./г.], стр. 3—50.

³ ГБЛ, Музейное собр., д. 1341, лл. 74 об. — 75 (рукопись, помимо того, включает сочинения А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина; список относится к 1766 г.).

⁴ ГБЛ, ф. 199 (Никифоровское собрание), д. 69, записи о восстании 1682 г. — на лл. 101—104. О летописце см.: А. Н. Насонов, *Летописные памятники хранилищ Москвы*, — ПИ, вып. IV, стр. 277.

шается и негодует на стрельцов, осмелившихся не только переступить порог царского дома, но вести себя в нем без всякого почтения к его обитателям. Подробно передаются «речи» «благородной царевны» Софьи, увещевавшей стрельцов, молившей их отстать от «злого умысла». Но они «на умоление не склонившася, прошения царского не послушавше... вскричаша с прошением зелным о боярех и о велможах, нарицая их изменниками, дабы их дати на смерть». Далее отмечается, что «государь» трижды кланялись восставшим, «но не уприсиша. Они же, окаяннии, потом побиша множество бояр и велмож и ближних знатных людей». Дальнейшие события не привлекли внимания составителя, ограничившегося в конце описания фразой: «И прекратися мятеж невскоре».

Записи этого летописца перекликаются в ряде случаев с другими источниками, особенно близко стоят они к Повести о восстании 1682 г., помещенной в сборнике из собрания Соловецкого монастыря⁵. Но в них имеется и ряд новых моментов, деталей, дополняющих показания других источников.

В другом летописце, содержащем записи с древнейших времен до 1699 г. и составленном, вероятно, в конце XVII в., особенно подробно описываются события 1682—1699 гг. Это и не удивительно: время его вероятного составления совпадает с подавлением стрелецкого восстания 1698 г. и массовыми расправами с восставшими в том же и следующем году. Стрельцы играли большую роль в политических событиях конца XVII в., поэтому и составители летописца уделяют им большое внимание. С самого начала в летописце проводится мысль о преступности стрелецких выступлений начиная с 1682 г., «сговоре» с ними злокозненной Софьи. По идейной направленности летописец смыкается в освещении событий 80-х — 90-х годов XVII в. с записками А. А. Матвеева, И. А. Желябужского и других усердных хвалителей Петра I и хулителей Софьи. По содержанию записи летописца во многом напоминают так называемые выписки из «розрядных дел» за 1682—1708 гг.⁶ Событиям восстания посвящено в летописце немало страниц (более 25 листов)⁷, однако многочисленные трафаретные похвалы в адрес юного Петра и его матери и недоброжелательные замечания в адрес Софьи и восставших снижают их достоинство как источника. Многие из того, что он сообщает, известно по другим сообщениям. Однако в нем в одних случаях подтверждаются интересные показания разных источников, в других — приводятся любопытные дополнения.

Стрельцы выступили, согласно летописцу (и позднейшей официальной версии, отраженной в записках А. А. Матвеева), 15 мая по проискам Софьи, Милославского и их клевретов, один из которых, Петр Толстой, «борзо скакал по полкам и кричал: «Нарышкины царевича Иоанна убили». Расправы стрельцов с боярами — тоже следствие

⁵ ГПБ ОР, ф. Соловецкого монастыря, д. 988 (878), лл. 702—730 об.; см. также: В. И. Буганов, В. А. Кучкин, *Новые материалы о восстаниях XVII в.*, — ИА, 1961, № 1, стр. 151—153; В. И. Буганов, *Повесть о Московском восстании 1682 г.* — «Древнерусская литература и ее связь с новым временем», М., 1967.

⁶ Эти выписки были составлены в 1716 г. по именному указу Петра I от 12 декабря 1715 г. В них вошли выдержки из дел Разрядного, а также отчасти Стрелецкого и, возможно, других приказов о восстаниях и заговорах конца XVII в., о гетмане Мазепе, о событиях военной, политической истории и т. д. — см. ЦГАДА, ф. 248, д. 650, лл. 498—641; ф. 181, д. 346/726, лл. 1—80.

⁷ ГБЛ, Музейное собрание, д. 9479, лл. 164—190 об.; рукопись в 1^о, 220 лл., написана скорописью середины XVIII в., летописец — на лл. 1—211 об. См. А. Н. Насонов, *Летописные памятники...*, стр. 284.

козней Софьи, подсылавшей своих людей и подпайвавшей стрельцов. Интересно сообщение о том, что во время этих событий царица Наталья Кирилловна, «от zelные печали и от страха обмираше», молила всех о помощи, но никто не смел стрельцам «противно говорить». Из других источников известно, что боярин кн. М. Ю. Долгоруков обратился к стрельцам, стоявшим у Красного крыльца, с бранью и угрозами; это послужило поводом к стрелецким расправам. Здесь же об этом умалчивается, говорится только, что князь «увещевал» стрельцов по повелению государей. Во время расправ, сообщает летописец, «пред убивством тогда вышепоменованных лиц проповедник в круже мятежникам стоящим изъявляше, аки бы оныя злодеи и достойны той казни». Это интересное свидетельство говорит о наличии среди предводителей восставших своеобразных судей, предводителей, выступавших от имени восставшего народа.

Из изложения летописца ясно видно, что восставшие вели себя угрожающе по отношению к представителям царской власти: они приходили в Грановитую палату, где «в великом страхе, ожидая лишения живота своего», сидели Наталья Кирилловна, царь Петр и царевич Иван. Они «великой государыне безстыдно о отце и о брате ее» говорили: «Не укроешь и неволею отдашь в наши руки. Великая же государыня и государи ничто смея речи страха ради, токмо лияшеся слезами».

16 мая стрельцы пришли к «царским чертогам» «с премногим безчинством, являя всем смерть, аще в предбудущей день не отдадут» К. П. и И. К. Нарышкиных. Далее следуют рассказы о мнимых зверствах стрельцов в столице в тот же день. Здесь же повторяются басни о том, что «чернь», т. е. простой люд Москвы, ожидала сигнала от холопов, чтобы выступить против стрельцов, а холопы, не желая принять из их рук свободу, угрожали стрельцам: «Лежать будет вашим головам на площади, до чего добунтуете, российская земля велика, вам не овладеть».

После сооружения столпа на Красной площади стрельцы, получившие одновременно грамоты о своих заслугах во время майских событий, несли эти грамоты, по любопытному замечанию летописца, «на главах в приказ (Стрелецкий. — В. Б.) и тогда велели по церквам звонить в колокола, а ис приказу доколе несли в съезжия избы, тогда играли музыка поход. И от той похвалы в стрелцах стало превозношение и глубокия замыслы, бояря и чиновныя люди оных почитали и при столах своих сажали, бояся от них убиения».

Нападая на раскольников — участников движения 1682 г., летописец сообщает в то же время, что в их «совете» участвовал «много народ промышленники и чернь». Уже одно это широкое участие в событиях 1682 г. народа, московской «черни», т. е. посадских людей, свидетельствует, что это восстание нельзя характеризовать как только «стрелецкое». Можно говорить о Московском восстании 1682 г., в котором помимо стрельцов и солдат приняли участие посадские, торговые люди, а также (что известно по другим источникам) часть холопов, подмосковных крестьян и др. В летописце подчеркивается, что «во оном возмутительном народе сей проклятый раскол утвердиша твердо, что готовы были на смерть и на вся мучения».

Во время прения раскольников со сторонниками официальной церкви 5 июня («соборище многонародное и дерзостное») «стрельцы возмутишася и чернь многа». Они бросали камнями в патриарха Иоакима, увещевавшего их перед тем в Успенском соборе, и изгнали его «со всем священным ликом» из церкви.

В летописце сообщается о фактическом разъединении стрельцов, одни из которых поддерживали официальную церковь и царскую власть, другие — выступали сторонниками раскольников. Описание «при» 5 июня дано в официозных тонах (вплоть до «речей» десятилетнего Петра против раскольников!). Интересный штрих передается относительно выборных стрельцов после этих событий: были выбраны сторонники Софьи, «верные» ей.

С радостью сообщается о сборе дворянского войска (до 100 тыс.) у Троице-Сергиева монастыря, казни Хованских и выборных стрельцов «Бориса Казанцева с товарищи» (37 человек). Описывая «смятение» в Москве, летописец сообщает, что стрельцы роздали оружие горожанам, готовясь к борьбе с дворянским войском. Однако, сознавая невыполнимость этого намерения, стрельцы принесли повинную. Летописец сообщает, что 3700 стрельцов, «зла начатели», «начальные бунта» прибрели в Троице-Сергиев монастырь и положили свои головы в знак признания вины на плахи и топоры, после чего получили прощение. Составитель пытается описать эту сцену в «трогательных» и верноподданнических тонах, выдвигая на первый план царицу Наталью Кирилловну, хотя не она, а Софья (о которой здесь не говорится) и ее сторонники играли ведущую роль в событиях осени — зимы 1682 г.

В одном из рукописных сборников Музейного собрания, содержащем Новгородскую III летопись с рядом дополнительных статей, помещено краткое описание раскольниковского «мятежа» 1682 г.: говорится о Никите Пустосвяте и шести монахах, которых «блюдше» у себя за Яузой-рекой стрельцы Титова полка⁸. Впрочем, описание путает события 1682 г. с более ранними событиями, в частности с осуждением того же Никиты Пустосвята на церковном соборе 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче.

Безусловно наибольший интерес представляют летописцы, содержащие подробное описание Московского восстания 1682 г. в форме летописных повестей — своеобразных записок современников.

Первая, небольшая по объему, повесть находится в составе краткого летописца, написанного земским дьячком Благовещенского погоста на Ваге⁹. Летописные записи охватывают время от «начала великого княжения Московского» до 1691 г., известия за вторую половину XVII в. посвящены в основном описанию местных событий. Но в текст этих памятных записей, как их называет М. Н. Тихомиров, вставлена своеобразная повесть о Московском восстании 1682 г. В ней кратко говорится о челобитье московских стрельцов и солдат на своих начальников после смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г., о правяже денег с полковников и голов, наконец, о восстании 15—17 мая. В повести заметно использование в качестве источника известных стрелецких челобитных и грамот победившим стрельцам и солдатам¹⁰. Автор неточно передает некоторые факты, путает имена и фамилии исторических деятелей (например, Артамон Сергеевич Нарышкин вместо правильного А. С. Матвеев и т. д.), однако основные события восстания освещаются, хотя и кратко, но правильно. Очень важным является указание на участие в событиях майского восстания «московских людей черных слобод и всяких чинов», «великое

⁸ ГБЛ, Музейное собрание, д. 1841, лл. 165 об. — 166. Рукопись в 1⁰, на 175 лл. Список 1780 г. Описание см. «Музейное собрание рукописей. Описание», т. I. Под ред. И. М. Кудрявцева, М., 1961, стр. 312—314.

⁹ М. Н. Тихомиров, *Заметки земского дьячка второй половины XVII в.*, — ИА, т. II, М.—Л., 1939, стр. 93—100.

¹⁰ ААЭ, т. IV, № 255.

множество» которых сходилось на Красную площадь «с ослопьем и з дрекольем»¹¹.

Несравненно более богато содержание другой летописной повести, по форме тоже своеобразных записок, составленных неизвестным приказным деятелем — очевидцем восстания¹². Рассказывая о расправах восставших, автор подчеркивает, что среди них не было никого из начальных людей. Очень живо описывается попытка членов царского семейства уговорить восставших и спасти от расправы боярина И. К. Нарышкина и др. («со слезами у стрельцов просили» и т. д.). В повести приводится отсутствующий в других источниках список лиц, сосланных после восстания (Нарышкины, их родственники и сторонники). При описании «раскольничьего мятежа» в начале июня 1682 г. подтверждается участие в нем «множества народа».

Автор, с неодобрением смотревший на действия восставших, признает, что летом 1682 г. стрельцы и солдаты были хозяевами положения в столице — «владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали». Живо описаны арест и казнь Хованских в Воздвиженском, окончание восстания и возвращение царского семейства со двором в Москву.

Столь же интересна и содержательна повесть о Московском восстании 1682 г. в сборнике из Соловецкого монастыря¹³. Она находится в составе летописца 1624—1691 гг., созданного, вероятно, в конце 1691 — первой половине 1692 г. современником событий Московского восстания, возможно, лицом церковного звания, служившим в одном из кремлевских соборов или церквей¹⁴.

К этому же времени нужно отнести и окончание повести, являющейся основной частью всего летописца и представляющей исключительный интерес в качестве исторического источника. Она занимает две трети всего объема летописца. Автором повести несомненно является автор всего летописца.

Большинство приведенных в ней данных перекликается с показаниями других известных нам источников, но в повести содержится много деталей, отсутствующих в документах или записках современников и представляющих большой научный интерес.

Первая часть повести начинается с описания смерти и погребения царя Федора Алексеевича в 1682 г. Затем сообщается о брожении в солдатских и стрелецких полках; «человецы ненавистницы», «смутницы», по словам автора, «яко волцы ходяще посреде овец, всею ратию возмутиша». Они распускали в народе «лживыя глаголы... яко боляре всем обиды творят и стеснение великое, суд и росправу чинят неправо всему христианству ради мзды своея, сирых и бедных не щадяще, разорения и беды им сотворяют и домов отжениают, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домом своим прибитки чинят, а народ губят». Жители Москвы с сочувствием относились к этой агитации («прости же человецы, у них слушающе, чают, яко правду глаголют, присташа к ним...»). Стрельцы и солдаты, «совет сотвориша, всеми полками во единомыслии сташа», избрали в полках выборных представителей, которые должны были продолжать агитацию в столице.

Очень интересны сообщения повести о содержании «мятежных

¹¹ М. Н. Тихомиров, *Заметки...*, стр. 99.

¹² М. Н. Тихомиров, *Записки приказных людей конца XVII в.*, — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 443—444, 448—456.

¹³ ГПБ ОР, ф. Соловецкого м-ря, д. 988 (878), лл. 702—730 об.

¹⁴ См. об этом более подробно: В. И. Буганов, *Повесть о Московском восстании 1682 г.*

слов», которые распространялись в Москве накануне восстания: царевич Иван Алексеевич «в возрасте», поэтому ему можно царствовать, другой царевич — Петр — «вельми юн, токмо 9 лет и 11 месяцев, како ему царством владети, аще не бояром богатеть? И народ весь погубят». Сторонники Нарышкиных, друзья А. С. Матвеева обвинялись в стремлении захватить власть («государством владети бы и людьми мять им, бояром», л. 707).

Ряд дополнительных сведений приводит повесть о стрелецких и солдатских челобитных на своих начальников до и после смерти Федора Алексеевича. Тексты этих челобитных до нас не дошли, но сохранились краткие пересказы челобитной от 30 апреля 1682 г. в майском именном царском указе полковнику С. Грибоедову, в жалованной грамоте солдатам выборного полка Р. Жданова (до конца апреля полком командовал генерал М. Кравков) от ноября того же года, в сочинении С. Медведева¹⁵.

Повесть более подробно пересказывает содержание стрелецкой челобитной, поданной «во 190-м году, тогда еще царствующу... Федору Алексеевичу». Стрельцы жаловались на то, что полковники заставляли их пахать и «копани» копать; «к полатному строению в селе Мячкове камень белой и бутовой ломали и известь жгли паче работных их крестьян и худьше наемных работников, а платие носили и драли на тех работах государское». Здесь же приводятся новые известия о «словесном челобитье» стрельцов на С. Грибоедова, сказанном царю, «как был выход по переграде».

Челобитчики рассказывали, что начальник заставлял их работать на себя в Мячкове в течение всего великого поста, послав для этого с Москвы 100 стрельцов «ломати камень; и гнали к Москве вверх по Москве-реке в стругах в самой торжественной праздник, в светлое христово воскресенье, и пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими быша или яко невольники на катаргах. И тоя ради неволи потонуло стрельцов в воде 16 человек» (лл. 707—709).

Повесть приводит любопытные сведения о подготовительных мерах, которые стрельцы и солдаты предпринимали накануне восстания: в Земляном городе «круг царства» были поставлены «стражи крепкие», сами стрельцы и солдаты, «яко на рать изготовившися», у съезжих изб соорудили деревянные походные городки, «яко во осаде сядши» (лл. 709 об. — 710). Одновременно стрельцы избрали из своей среды по пять и более челобитчиков от каждого приказа. Последние били челом царю Петру и просили отдать стрелецких полковников на правеж «в начотных их деньгах», «и по розыску они, полковники, во всем повинилися», после чего были подвергнуты наказанию.

Во время правежа «стрелецкие денщики» били «без милосердия» генерала Кравкова и полковников палицами, «стоящих с ног збили и лежащих на земли, валяющихся мучили, еле живы быша» (лл. 710—710 об.).

Наибольшее внимание уделяется в повести событиям 15—17 мая, о которых она приводит ряд новых подробностей: 15 мая в десятом часу утра все стрелецкие полки подали друг другу вести выстрелами из «вестовых» пищалей, ударили в «сплошныя борабаны» и у своих приходских церквей начали бить в колокола «по-набатному», затем «всеми враты» вошли в Кремль «и сташа круг царева двора — со всех

¹⁵ ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 41—42.

стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим».

После переговоров восставших с боярами кн. И. А. Хованским и П. М. Салтыковым, патриархом Иоакимом (которого они «и в дело... не поставиша, вси возопиша: „Ты не речеши нам ничто же, и не слушаем тя, поне же ты лжеши“») вышли Петр и Иван Алексеевичи с матерью, многие думные и «комнатные ближние» люди (по фамилиям называются 17 бояр). Успокоившиеся было стрельцы и солдаты, спустя полчаса, «стали просити воров и изменников — бояр и думных людей... и стали у копей отрубати концы, чтобы им в государевых хоромах недолги были древка копейные, чем бояр колоть».

Далее подробно описаны расправы с боярами и другие события восстания, которые сходно передаются и в других источниках, за исключением некоторых новых деталей. Подробно излагаются обращенные к восставшим «речи» царицы Наталии Кирилловны и царевен и т. д. Вторую часть завершают записи об избрании «первым» царем Ивана Алексеевича и венчании на царство обоих братьев (лл. 712—727 об.).

В третьей, заключительной, части повести сообщается о событиях лета — осени 1682 г. Наибольший интерес здесь представляет сообщение об участии в восстании московских холопов: восставшие, «присовокупляще к себе от господ беглых рабов в стрельцы», вместе с ними ходили по домам для взыскания «долгов». В случае поимки господином своего беглого холопа, который «с караулом» приводился «в приказ к записке», «они же, самовольницы, невежди, за их, беглых, мнози прихождаху, не токмо господина того, но и суди[я]м грозяще копиями заклати, рекуще, яко они хоцут сами царем служити».

Судьи не смели возражать восставшим стрельцам и холопам, которые, таким образом, освобождались путем вступления в стрельцы. Далее в повести бегло рассказывается о роли Хованского, отъезде царей из Москвы, слухах про сбор ополчения против стрельцов под Москвой и тревогах в столице, казни Хованских в Воздвиженском и прекращении восстания (лл. 728—730 об.).

Таким образом, повесть является важным источником о Московском восстании 1682 г. Она обладает известными литературными достоинствами; написана простым, очень живым, образным языком и в ряде случаев почти в «зримой» форме воссоздает события того времени.

Близка к указанным памятникам Повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся в составе сборника богословского содержания XVII в.¹⁶ Ее особенность состоит в том, что она составлена человеком, с явным сочувствием писавшим о стрелецких невзгодах и обидах, виновниками которых автор без обвиняков называет их начальников и бояр. Так, когда стрельцы хотели побить «до смерти» своих полковников после их ареста по стрелецкому челобитью юному царю Петру I, то «бояра за них стали и взяли в Розрядной приказ и стали у них (стрельцов. — В. Б.) упрашивать, чтобы не бить никого насмерть»¹⁷.

Автор, как и все вообще восставшие, стоит на царистских позициях, верит или хочет верить, что слух об убийстве царевича Ивана Алексеевича, послуживший поводом к восстанию, имел под собой

¹⁶ ГИМ, Барсовское собр., № 1578, лл. 336—341 об. На лл. 1—335 помещены слова и поучения «отцов церкви», на лл. 342—348 — записи о заговоре И. Цыклера 1697 г.

¹⁷ Там же, л. 351 об.

почву. Автор горячо сочувствует восставшим, знает их тяжелую жизнь в условиях боярского и начальнического произвола, одобряет их классовую месть по отношению к своим угнетателям.

Повесть невелика по объему и охватывает события начиная с подачи челобитной на С. Грибоедова и кончая списком убитых 15—17 мая. К сожалению, не сохранилось начало Повести; первые ее слова приписываются автором стрельцу, подавшему челобитную на стрелецких начальников царю Федору Алексеевичу. Царь велел «распростить накрепко» С. Грибоедова, что подтверждает С. Медведев («по тому их челобитью велено государским повелением вскоре розыск и указ учинить») ¹⁸. Наибольший интерес представляет здесь пересказ стрелецкой челобитной, дополняющий известные по другим источникам сведения.

Интересно указание Повести на то, что стрельцы, «отбившие» от наказания своего товарища-челобитчика на Грибоедова, решили на общем совете стоять заодно «и написали роспись за своими руками (т. е. со своими подписями. — В. Б.) — кольке на полковниках взять государевы казны». Кроме того, оказывается, что стрельцы решили бить челом не только на полковников, но и на других командиров (сотных, пятидесятников и десятников) за то, что они «ушничали с ними, полковниками, заедино, нас изгоняли; и тех бити насмерть и с роскату бросать». Здесь же называется фамилия одного из пятидесятников (Морозов), с которым расправились стрельцы, бросившие его с роската. Столь же ново и интересно сообщение о том, что стрельцы решили взыскивать «начетные деньги» (за недоданное им жалованье, поборы, взятки с них и т. д.) не только с полковников, но и с бояр, сидевших в Стрелецком приказе. Это известие делает понятной расправу в середине мая с начальником этого учреждения боярином кн. Ю. А. Долгоруким, хотя до последнего времени имеет хождение легенда о том, что стрельцы убили его только за угрозы в их адрес ¹⁹.

Можно думать, что автор Повести, если и не был участником событий 1682 г., то во всяком случае наблюдал за ними с явным сочувствием и одобрением по отношению к стрельцам. На них и сосредоточено его внимание, он не говорит об участии в движении других слоев московского населения (солдаты, пушкар, посадские люди, холопы) и не упоминает о событиях, происходивших после 15—17 мая. Цель его рассказа — обоснование стрелецкого выступления; с этой целью используются с явной натяжкой мнимые «речи» царевича Ивана Алексеевича. Это как будто говорит о том, что автор, принадлежавший, вероятно, к московским низам (об этом свидетельствует простонародный слог его сочинения), был близок восставшим стрельцам. Он сам был, возможно, стрельцом, из которых нередко выходили площадные подьячие, обладавшие бойким стилем письма, или же каким-нибудь мелким приказным служащим — подьячим, писцом. Повесть, вероятно, была составлена вскоре после майских событий, в том же 1682 г., во всяком случае до середины сентября этого года, когда после казни Хованских (17 сентября) и принесения повинной восставшими стрельцами и их союзниками не могло быть и речи о сочувственном по отношению к восставшим освещении событий Московского восстания 1682 г.

¹⁸ ЧОИДР, 1894, кн. 4, стр. 42.

¹⁹ См. С. К. Богоявленский, *Хованицина*, — ИЗ, т. 10, стр. 187.

Таким образом, известия летописцев о Московском восстании 1682 г. представляют немалый интерес для исследователя как ценный исторический источник. Помимо того, что они подтверждают в ряде случаев показания других источников, мы находим в них многие новые данные об этом движении. В этом плане наибольший интерес представляют факты, свидетельствующие об участии в восстании не только стрельцов и солдат, но и московских «черных людей», т. е. о народном, антифеодальном характере восстания. Об этом говорят не только памятники, вышедшие из враждебного повстанцам лагеря, но и повести, составленные представителями народных низов, с сочувствием относившимися к участникам московского «бунта». Наконец, некоторые из рассмотренных памятников привлекают читателя живостью описаний и образностью языка; эти достоинства, как тонко замечает М. Н. Тихомиров, показывают, «что протопоп Аввакум не был единичным явлением среди русских людей XVII века»²⁰.

²⁰ М. Н. Тихомиров, *Записки...*, стр. 443.